

Р.М. Харитонов¹, И.Е. Воробей², А.Ю. Федорченко^{1✉}, А.И. Лебединцев³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Магаданский областной краеведческий музей
Магадан, Россия

³Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н.А. Шило ДВО РАН
Магадан, Россия
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Деревянные детали луков и самострелов залива Бабушкина (Северное Приохотье)

В статье представлены результаты анализа уникальной коллекции деревянных деталей луков и самострелов, обнаруженных в погребальных комплексах залива Бабушкина (Северное Приохотье), датируемых VIII–XIV вв. н.э. Исключительная сохранность органических материалов в этих памятниках предоставляет редкую возможность для детального изучения конструктивных особенностей метательного оружия древнекорякской культуры. В рамках исследования вводятся в научный оборот и систематизируются ранее неопубликованные или требующие уточнения находки из пяти археологических объектов: фрагменты кибитей луков из погребений на мысах Братьев и Астрономический, а также детали охотничьего самострела из разрушенного погребения Астрономическая-6. Проведен морфологический анализ артефактов, позволивший реконструировать устройство сложных луков. Выявлены две группы кибитей по способу крепления концевых пластин – приостренные с продольными прорезями и без них. Впервые для изучаемого района идентифицированы и описаны компоненты самострела: двух деревянных луков и ложка со сложной формой, предназначенного для фиксации стрелы и спускового механизма. В результате сравнительного анализа выявлена устойчивость конструктивных традиций: изучаемые луки находят прямые аналогии в коллекции из Эквенского могильника (II–III вв. н.э.) и этнографических материалах XIX–XX вв. Изученная коллекция является одной из наиболее репрезентативных для археологии крайнего Северо-Востока Азии конца I – начала II тыс. н.э. и имеет фундаментальное значение для реконструкции развития охотничьего и военного дела, технологических навыков и культурных связей древнего населения Северного Приохотья. Полученные данные открывают новые перспективы для исследования генезиса и эволюции метательного оружия в регионе.

Ключевые слова: залив Бабушкина, древнекорякская культура, лук, самострел, охота, погребения.

R.M. Kharitonov¹, I.E. Vorobei², A.Y. Fedorchenko^{1✉}, A.I. Lebedintsev³

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia

²Magadan Regional Museum of Local History
Magadan, Russia

³N.A. Shilo North-eastern Integrated Research Institute FEB RAS
Magadan, Russia
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Wooden Parts of Bows and Crossbows from Babushkina Bay in the Northern Sea of Okhotsk Region

This article analyzes a unique collection of components belonging to wooden bows and a crossbow discovered in burial complexes at Babushkina Bay (Northern Sea of Okhotsk region) and dated to the 8th–14th centuries. The exceptionally good preservation of organic materials at these sites provides a rare opportunity for detailed study of design in projectile weaponry of the Ancient Koryak culture. This research presents and systematizes previously unpublished or inadequately documented finds from five archaeological sites, including the fragments of bows from the burials on Cape Brat'yev and Cape Astronomicheskii, and parts of a hunting crossbow from the disturbed burial of Astronomicheskaya-6. The morphological analysis of the artifacts has made it possible to reconstruct the

design of composite bows and identify two groups of bows from the method of attaching the end plates: pointed bows with longitudinal slots and bows without the slots. Components of a crossbow have been described for the first time for the region. They included two wooden bows and the stock of sophisticated shape designed for holding the arrow and trigger mechanism. The comparative analysis revealed the stability of these construction traditions, since the bows under study find direct parallels in the collection from the Ekven burial ground (2nd–3rd centuries) and in ethnographic evidence from the 19th–20th centuries. The collection under discussion is one of the most representative for the archaeology of the extreme Northeast Asia of the late first–early second millennia and is of fundamental importance for reconstructing the development of hunting and warfare, technological skills, and cultural connections of the ancient population of the Northern Sea of Okhotsk region. This data opens new perspectives for researching the genesis and evolution of projectile weaponry in the region.

Keywords: Babushkina Bay, Ancient Koryak culture, bow, crossbow, hunting, burials.

Введение

Археологические комплексы залива Бабушкина в Северном Приохотье имеют ключевое значение для изучения древней истории крайнего Северо-Востока Азии. Особую важность этим памятникам придает наличие многочисленных антропологических останков; их анализ выявил генетическую связь между древним населением токаревской культуры и современными коряками и ительменами, а также позволил поставить вопрос о контактах между популяциями Северного Приохотья и Южного Охотоморья. Согласно предварительным данным радиоуглеродного датирования, захоронения в нишах и между крупных глыб в районе м. Братьев датируются VIII–XIV вв. [Лебединцев, 2023, с. 115].

Важнейшим источником для понимания культурных процессов в заливе Бабушкина служат предметы материальной культуры. Памятники этой территории выделяются исключительной сохранностью деревянных артефактов. Среди них преобладают детали боевых и промысловых средств, предназначенных для поражения цели на расстоянии – луков и охотничьих самострелов. Часть находок была ранее опубликована, однако их атрибуция требовала уточнения [Лебединцев, 2023]. В результате новых археологических изысканий продолжает пополняться коллекция деталей боевых и промысловых средств, однако уже сейчас возникла необходимость промежуточного обобщения информации и уточнения ранее опубликованных сведений.

Описание материала

Научное изучение археологических комплексов залива Бабушкина, начатое в середине 1950-х гг., на протяжении более семи десятилетий концентрировалось преимущественно на исследовании погребальных памятников [Пытляков, Беляева, 1957; Ефимов, 1990; Лебединцев, 2023], антропологические материалы которых послужили отправной точкой для комплексного изучения этого района. Новейший этап изысканий (2020–2022 гг.) включил масштабные работы на поселенческих и погребальных объектах с целью их систематизации и проведения охранных раскопок [Прут и др., 2025].

В настоящий момент в пяти археологических объектах залива Бабушкина найдены фрагменты пяти кибитей от ручных луков, две кибити и одно ложе от самострела.

Фрагменты луков из погребения в нише на м. Братьев, обследованного С.П. Ефимовым в 1976 г. Погребение расположено на бровке морского берега, сложенного глыбами коренных пород. Ниша обращена на восток, в сторону моря, и занимает почти всю площадку под валуном (рис. 1, 5з). Наряду с многочисленным антропологическим материалом (рис. 1, 1), в ходе раскопок было обнаружено пять деревянных пластин [Ефимов, 1990]. В фондах СВКНИИ ДВО РАН сохранилось два изделия, достоверно представляющие собой плечи корпуса лука, фрагментированные в области рукояти.

Первый фрагмент представлен длинной пластиной, с одним сужающимся приостренным окончанием, противоположный конец обломан (рис. 2, 1). Его длина составляет 46,5 см, максимальная ширина 3,3 см (в центральной части фрагмента), толщина практически вдоль всей длины 0,6 см, сечение сегментовидное. Со стороны дистального окончания расположен длинный продольный вырез, длиной 13,6 см и шириной 0,3 см. Сужение у неповрежденного концевое окончания располагается вдоль продольной прорези. На противоположном окончании деталь обломана. Она изгибается вдоль 8 см от неповрежденного окончания в направлении плоской поверхности.

Второй образец представлен схожей фрагментированной пластиной, однако изогнутой в противоположном направлении (в сторону выпуклой поверхности). Длина фрагмента 46,4 см, максимальная ширина 3 см, толщина – 0,9 см. Дистальный конец поврежден, сохранившаяся прорезь имеет клиновидную форму длиной 4,5 см, постепенно расширяется до 0,5 см (рис. 2, 2).

Данные детали ранее были опубликованы А.И. Лебединцевым и, по его мнению, изготовлены из березы [Лебединцев, 2023]. В число возможных деталей лука исследователь включил и две вытянутые планки из лиственницы. Однако, отсутствие у данных изделий ярких морфологических признаков, присущих сложным лукам, делает данную интерпретацию дискуссионной.

Фрагмент кибити лука из фондов МОКМ. В 2000 г., в ходе рекогносцировочных работ археоло-

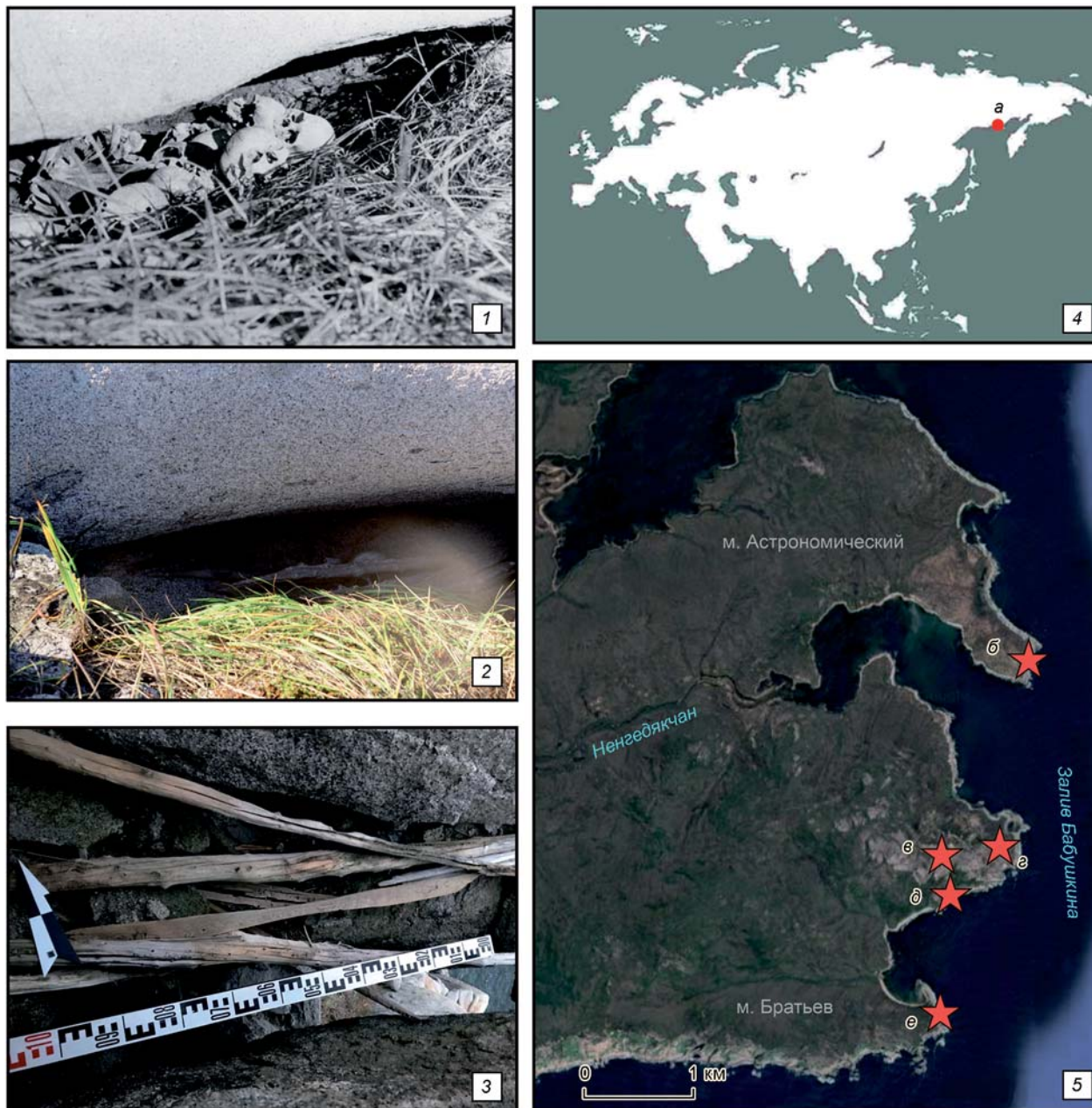

Рис. 1. Места находок деревянных деталей промысловых и боевых предметов в памятниках залива Бабушкина.

1 – коллективное погребение, исследованное С.П. Ефимовым в 1976 г.; 2 – погребение с деталью лука, зафиксированное археологической группой МОКМ в 2000 г. Фото И.Е. Воробья; 3 – пластина кибиты в погр. 2 могильника Мыс Братьев-4. Фото Р.М. Харитонova; 4 – местоположение памятников Залива Бабушкина с деревянными деталями боевых и промысловых механизмов на карте Евразии; 5 – на ситуационной карте: а – указание места выноски ситуационной карты, б – погр. 3, Мыс Астрономический-12, в – погребение, зафиксированное археологической группой МОКМ, г – коллективное погребение, исследованное С.П. Ефимовым, д – разрушенное погребение Астрономическая-6, е – погр. 2 могильника Мыс Братьев-4.

гической группой МОКМ была зафиксирована серия захоронений в каменных полостях на водораздельном пространстве и склонах к югу от эстуария р. Ненгежкчен (см. рис. 1, 2, 5б). В погр. 29, организованном под крупной глыбой, была найдена целая пластина кибиты лука (МОКМ КП-34723/1). Кроме нее в полости наблюдались два погруженных в грунт черепа, нижняя челюсть, придавленная каменными обломками трубчатая кость и восемь листовенничных жердей.

Пластина располагалась в субгоризонтальном положении у заднего края полости и на половину длины была скрыта в грунте. К моменту обнаружения вход в погребальную камеру уже не был перекрыт жердями и каменными обломками.

В настоящий момент сложно соотнести комплекс с конкретными выделенными в последние годы объектами. Наиболее вероятна его связь с могильниками Астрономическая-9 или -11 [Прут и др., 2025, с. 99].

Рис. 2. Детали сложных луков из памятников залива Бабушкина.

1, 2 – фрагменты кибитей из коллективного погребения, исследованного С.П. Ефимовым; 3 – концевой вкладыш лука из рога оленя из погр. 2 могильника Мыс Братьев-4; 4 – деталь кибиты лука из погребения, зафиксированного археологической группой МОКМ (МОКМ КП-34723/1); 5 – фрагмент кибиты лука из погр. 2 могильника Мыс Братьев-4; 6 – фрагмент кибиты лука из погр. 3 Мыс Астрономический-12; 7 – реконструкция устройства луков; 8 – реконструкция облика целого изделия.

Предмет представляет собой длинную вытянутую веслообразную пластину с приостренными окончаниями (см. рис. 2, 4). По боковой поверхности пластина практически прямая, незначительно изогнута в сторону плоской поверхности. Длина 117 см, функциональные зоны резко не ограничены, все очертания плавные. Условно участок для комфортной фиксации в руке можно ограничить 20–25 см. Ширина в центре (рукоять) составляет 2,4 см, толщина – 1,4 см, сечение подполукруглое. От центра корпус плавно расширяется к окончаниям, формируя плечи. Максимальная ширина 3,9 см, минимальная толщина 0,8 см, сечение сегментовидное. На окончаниях имеются приостренные участки, вдоль которых расположены продольные прорезы, длиной 10–11 см, шириной до 0,6 см. Одно окончание незначительно повреждено. Согласно заключению науч. сотр. лаборатории геоботаники ИБПС ДВО РАН В.Б. Докучаевой, деталь изготовлена из древесины хвойного дерева, вероятно, лиственницы. Описанный предмет ранее упоминался в ходе ревизии сохранившихся деталей луков в археологических комплексах крайнего Северо-Востока Азии [Воробей, 2014, с. 118–119], однако его размеры и изображения приводятся впервые.

Фрагменты кибиты лука из погр. 2 могильника Мыс Братьев-4, исследованного в 2021 г. Памятник расположен на юго-восточной оконечности м. Братьев (см. рис. 1, 5e). В непосредственной близости от высокого скалистого обрыва в 2020 г. здесь было

отмечено два частично разрушенных погребения, изученных в 2021 г.

Погребение 2 совершено в нише между двумя вертикально стоящими гранитными плитами, перекрытыми сверху крупной плитой и валунами, на момент исследования находилось в аварийном состоянии. Под каменным перекрытием на своеобразном настиле из длинных жердей лиственницы было зафиксировано три черепа, большая берцовая кость, два позвонка, два коренных зуба и крестец. Вместе с жердями перекрытия в центральной части погребения была уложена деталь кибиты лука (см. рис. 1, 3). Вследствие повреждения дна могилы часть находок оказалась в осыпи по склону под погребением. Здесь найдены нижняя челюсть, ребро, позвонок и бедренная кость, а также концевая боковая накладка лука из рога оленя.

Пластина длиной ок. 105 см, является веслообразным фрагментом деревянной основы (область хвата и упругие плечи) (см. рис. 2, 5). Узкая центральная часть, соответствующая рукояти длиной ок. 20 см (условный участок, в котором хват предмета наиболее удобен), в середине имеет полукруглое сечение, толщину 1,5 см и ширину 2,8 см. От отмеченного центра рукояти представленная деталь в направлении окончаний на протяжении 30 см плавно расширяется до 5 см и утончается до 0,7 см (максимальная ширина и минимальная толщина представленного фрагмента), переходя таким образом в упругие плечи (эластичная рабочая часть конструкции), после чего следует небольшой участок (ок. 15 см), в котором размеры детали не меняются,

а затем она незначительно сужается. В местах сужения деталь с обоих концов обломана, наличие прорези установить не представляется возможным.

Деревянные предметы из разрушенного погребения Астрономическая-6. Выявлено в 2021 г. на южном обрывистом склоне безымянного мыса, обращенного в сторону м. Братьев, на высоте 33 м (см. рис. 1, 5d). Между вертикально стоящими каменными плитами обнаружены фрагменты четырех

деревянных предметов. Авторами работ интерпретируется как разрушенное единичное погребение. Непосредственно на обрыве между валунами были выявлены четыре деревянных предмета: три вытянутые тонкие жерди (одна из них зажата камнями, ее извлечь не удалось) и предмет сложной формы.

Две извлеченные планки значительно отличаются от известных жердей перекрытия погребений (рис. 3, 1, 2). Обе они длиной 120 см и 110 см (одна фраг-

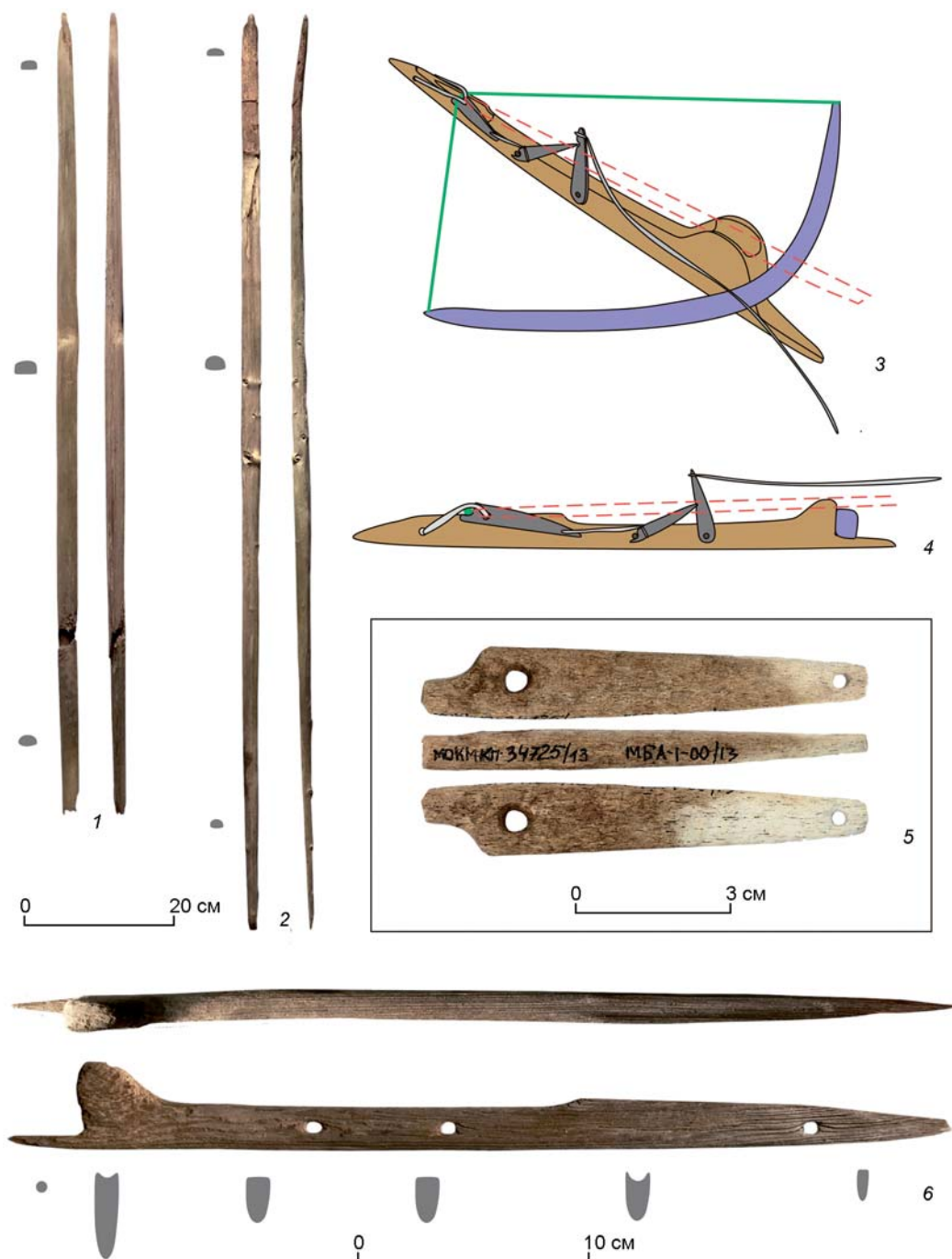

Рис. 3. Детали самострелов из памятников Залива Бабушкина.

1, 2 – луки самострелов; 3, 4 – реконструкция устройства самострела; 5 – большой челак (МОКМ КП-34725/13); 6 – ложе самострела;
1, 2, 6 – разрушенное погребение Астрономическая-6; 5 – поселение Мыс бухты Астрономическая-1.

ментирована), очищены от коры и на поверхности видны сучки, однако их морфология отличается от естественной формы ствола дерева. Они утолщаются к центральной части, и на одном конце имеют небольшую узкую область длиной ок. 1 см. Оба предмета в сечении D-образные и утолщаются от окончаний к трети длины с 1,5–2 см до 2,7–2,9 см, а на одном конце имеют резкое утончение длиной 1 см.

Оставшийся предмет имеет сложную форму (рис. 3, б). Это вытянутая пластина длиной 41 см и толщиной ок. 1,3 см, имеет у одного окончания приостренную область длиной 16 см, с одной стороны этой области расположен небольшой выступ (максимальная ширина в этом месте 2,5 см), с торца которого имеется вырезанная канавка длиной 11 см от выступа (эта канавка не доходит до окончания изделия). В центральной части ширина изделия составляет 2 см. На противоположном конце с одной стороны (с той же, с которой расположен описанный выступ сужающейся области) имеется небольшой участок длиной в 4 см, в котором корпус расширяется до 4 см и небольшой шип длиной 3 см, продолжающий вытянутый край пластины, противоположный расширяющейся части. Сечение предмета близко к половине вытянутого эллипса. На широкой поверхности имеются три отверстия диаметром 0,7 см – одно расположено в области сужения на расстоянии 6 см от окончания, два других на в центральной части пластины, одно на расстоянии 14,5 см от отверстия сужающейся части, второе в 5,5 см от последнего.

Проведенный анализ позволил идентифицировать изделия как составные части охотничьего самострела: длинные планки служили луками, а предмет сложной формы представлял собой ложе для фиксации стрелы с креплением для кибити.

Деревянная кибить из погр. 3, Мыс Астрономический-12. Разрушенное погр. 3 было выявлено в составе могильника на оконечности м. Астрономического, на участке берега, вытянутого с севера на юг (см. рис. 1, 5б) [Прут и др., 2025]. Захоронение совершено в трещине между двумя скальными отдельностями и имеет ориентировку СЗ–ЮВ. Воздействие волн привело к перемещению и рассеиванию немногочисленных сохранившихся материалов – фрагментов костей, черепа и деталей деревянного лука, – которые в настоящее время рассредоточены на разных высотных отметках в промежутках и пустотах между скальными блоками волноприбойной зоны.

Пластина кибити веслообразной формы, фрагментирована (см. рис. 2, б). Целое окончание округлое, по боковой поверхности пластина прямая, поврежденное окончание изогнуто в следствии деформации. Концевых прорезей не зафиксировано. Длина всего фрагмента 115 см. Расстояние от целого окончания до самого узкого места (центра рукояти) составляет 62 см, вероятно, поврежденное плечо было аналогич-

ным. В центре (рукоять) сечение подполукруглое, ширина 2,5 см, толщина 1 см. В направлении окончаний пластина плавно утончается и расширяется, формируя плечи. Максимальная ширина 4,3 см, минимальная толщина 0,5 см, сечение сегментовидное. Зона, удобная для хвата, ограничена 20–25 см, область сужения и скругления окончания составляет ок. 15 см.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования позволяют оценивать погребальные комплексы юго-западного побережья залива Бабушкина в качестве ключевого источника для реконструкции промыслового и боевого вооружения населения Северного Приохотья. Во всех погребениях обнаружены исключительно отдельные детали луков, что указывает на целенаправленную практику помещения в могилу их деталей. Отсутствие повреждений в местах соединений исключает версию о ритуальной разборке целых луков. Наиболее вероятно, что это были заготовки или готовые, но не использовавшиеся детали, специально предназначенные для погребального обряда. При этом их стандартизированные размеры и внимательность мастеров к оформлению функциональных деталей убедительно показывают, что они точно отражают конструктивные особенности реальных сложных луков Северного Приохотья, что позволяет провести их достоверную реконструкцию (см. рис. 2, 7, 8).

Анализ кибитей демонстрирует общие тенденции в конструировании предметов – все луки были сложными с концевыми негнующимися участками. Сечение пластин кибити свидетельствует о том, что все они дополнительно усиливались за счет плоскостного соединения деталей – склейкой нескольких деревянных плашек или накладками из рога или китового уса (см. рис. 2, 7), что находит параллели в этнографии северных народов [Симченко, 1976, с. 105–122; Богораз, 1991, с. 88–89; Нефедкин, 2017, с. 116]. Единственным выявленным способом набора длины основной части кибити являлось вклеивание концевых деталей.

В соответствии с особенностями оформления окончаний пластин луки подразделяются на две группы: приостренные с оформленной продольной прорезью и без таковой. Наличие продольных прорезей на трех экземплярах (см. рис. 2, 1, 2, 4) объясняется вклеиванием в них узких концевых вставок, оснащенных вырезами под тетиву. Согласно Е.А. Глинскому, такие пластины кибити крепились со стороны спинки лука, поскольку вставки нуждались в упоре со стороны живота [1986, с. 6]. В пользу альтернативной версии свидетельствуют археологические аналогии – в частности, фрагмент кибити из раскопок С.П. Ефимова (1976 г.), где пластина изогнута в сторону прямой поверхности, что указывает на расположение со стороны живота лука. Еще одним подтверждением служит лук из погр. 302 Эквенского могильника (II–III вв. н.э.),

обладающий всеми указанными конструктивными особенностями [Мир арктических зверобоев..., 2007; Воробей, 2014]. Несмотря на сильную поврежденность эквенского образца, не позволяющую уверенно судить о наличии дополнительных усилений, именно он демонстрирует способ вклеивания концевой вставки без упора со стороны живота и значительным ее заходом за линию кибити.

Широкие параллели в конструктивных решениях представлены в этнографических материалах. Так, Ю.Б. Симченко отмечал схожее оформление окончаний за счет вклеиваемых в пазы «костяных концов с прорезями на торцах» у чуванских и чукотских луков, причем пластины проходили насквозь кибити [Симченко, 1976, с. 116, 120], не упираясь во внутреннюю пластину, как считал Е.А. Глинский. Основа при этом состояла из двух склеиваемых планок, а в случае с чукотским луком была дополнительно усилена шнуром из оленьих сухожилий [Там же].

Особый интерес представляет вопрос о характере вклеиваемых концевых пластин. Они должны были не только соответствовать длине продольной прорези (до 10–13 см в длину), но и значительно выступать за ее пределы (см. рис. 2, 7). По аналогии с эквенским луком исходная длина таких вставок могла достигать 15–20 см, однако большинство обнаруженных образцов существенно меньше [Воробей, 2014]. Вероятно, отсутствие полноразмерных пластин объясняется фрагментарностью сохранившихся деталей. Следует также учитывать, что места соединения подобных элементов для прочности дополнительно укреплялись обмоткой.

Вторая группа пластин характеризуется отсутствием прорезей (см. рис. 2, 5, 6). Это может объясняться несколькими причинами: во-первых, некоторые экземпляры могут представлять собой незавершенные заготовки (как скругленная пластина из погр. 3 мыса Астрономического) или фрагменты изделий. Во-вторых, ключевым аргументом является находка в погр. 2 могильника Мыс Братьев-4 продольной концевой вставки с торцевым вырезом для тетивы (см. рис. 2, 3), наличие которой предполагает существование соответствующей прорези в кибити. Подобные костяные или роговые вставки находят широкие аналогии в материалах народов Крайнего Северо-Востока Азии [Там же]. С другой стороны, нельзя исключать, что эти пластины относятся к лукам иной конструкции, где использовалось иное крепление концевых деталей – возможно, через упор со стороны живота, как предполагал Е.А. Глинский. Однако для подтверждения этой гипотезы текущих данных недостаточно.

Деревянные артефакты из разрушенного погребения Астрономическая-6 идентифицированы как элементы охотничьего самострела (см. рис. 3). Длинные планки служили луком самострела, а изделие сложной формы представляет собой ложе с пазом для

стрелы и отверстиями для крепления ременной петли и шпеньков спускового механизма, включавшего большой и малый челаки с зубом (см. рис. 3, 3, 4). Аналогичные ложа хранятся в фондах МОКМ. Принадлежность находок к археологическому контексту, а не к этнографическому периоду, подтверждается обнаружением большого челака – ключевой детали спускового механизма – в осыпи поселения Мыс бухты Астрономическая-1 (см. рис. 3, 5).

Заключение

Проведенное исследование подтверждает высокую значимость археологических комплексов залива Бабушкина. Уже сейчас можно говорить о том, что выявленные изделия представляют одну из наиболее репрезентативных коллекций деревянных деталей луков конца I – начала II тыс. н.э. в регионе. Анализ материалов позволяет реконструировать конструкцию сложных луков, которая с II–III вв. н.э. не претерпела существенных изменений. Вариативность оформления окончаний пластин кибити требует дальнейшего исследования, которое связано с состоянием источниковой базы и археологическим изучением памятников залива Бабушкина. Полученные данные позволяют выявить конкретную разновидность охотничьего самострела, что актуализирует вопросы генезиса и развития данных механизмов в региональном археологическом контексте.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-18-00319-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00319/>

Список литературы

- Богораз В.Г.** Материальная культура чукчей. – М.: Наука. Главн. ред. восточной литературы, 1991. – 222 с.
- Воробей И.Е.** Дополнительные сведения о деталях лука в инвентаре древнекорякской культуры // VIII Диковские чтения: Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 60-летию образования Магаданской обл. – Магадан: Типография, 2014. – С. 110–114.
- Глинский Е.А.** Лук и стрелы народов Крайнего Северо-Востока Сибири как историко-культурное явление: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 23 с.
- Ефимов С.П.** Остатки коллективного погребения на мысе Трех Братьев – новый памятник древнекорякской культуры // Древние памятники Севера Дальнего Востока (новые мат-лы и исследования СВАКАЭ). – Магадан: Изд-во СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. – С. 136–141.
- Лебединцев А.И.** Деревянные предметы из древнекорякского захоронения в нише на мысе братьев, обнаруженные С.П. Ефимовым в 1976 году (залив Бабушкина, Северное Приохотье) // Вестн. Северо-Восточного науч. центра ДВО РАН. – 2023. – № 4. – С. 113–120.

Мир арктических зверобоев: Шаги в непознанное. Каталог выставки / сост. М.М. Бронштейн, К.А. Днепровский, Е.С. Сухорукова. – М.; Анадырь: Департамент культуры, спорта туризма и информационной политики Чукотского автономного округа РФ, Государственный музей Востока, 2007. – 216 с.

Нефедкин А.К. Военное дело чукчей. Первая иллюстрированная энциклопедия. – М.: Яуза, 2017. – 496 с.

Прут А.А., Лебединцев А.И., Данилов Г.К., Федорченко А.Ю., Кишкурно М.С., Гребенюк П.С., Макаров И.В. Археологические разведки на побережье залива Бабушкина в Северном Приохотье // На северных рубежах Азии: сб. ст., посвящ. 100-летию со дня рождения Н.Н. Дикова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2025. – С. 97–100.

Пытляков Г.А., Беляева А.В. Археологические работы на Охотском побережье // Краеведческие записки. – Магадан: кн. изд-во, 1957. – Вып. I. – С. 5–11.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. – М.: Наука, 1976. – 311 с.

References

Bogoraz V.G. Material'naya kul'tura chukchei. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury Publ., 1991. 222 p. (In Russ.).

Bronshtein M.M., Dneprovskii K.A., Sukhorukova E.S. (ed.). World of Arctic Maritime Hunters: Steps into the Unknown. Exhibition's Catalogue. Moscow; Anadyr: Department of Culture, Sports, Tourism, and Information Policy of the Chukotka Autonomous District of the Russian Federation, State Museum of Oriental Art, 2007. 216 p. (In Russ.).

Efimov S.P. Ostatki kollektivnogo pogrebeniya na myse Trekh Brat'ev – novyi pamyatnik drevnekoryakskoi kul'tury. In *Drevnie pamyatniki Severa Dal'nego Vostoka (novye materialy i issledovaniya Severo-Vostochno-Aziatskoi kompleksnoi arkheologicheskoi ehkspeditsii)*. Magadan: NEISRI AS USSR Publ., 1990. P. 136–141. (In Russ.).

Glinskii E.A. Luk i strely narodov Krainego Severo-Vostoka Sibiri kak istoriko-kul'turnoe yavlenie: cand. sc. (history) dissertation abstract. Leningrad, 1986. 23 p. (In Russ.).

Lebedintsev A.I. Wooden Objects from the Ancient Koryak Burial in a Niche at Cape Brat'yev, Discovered by S.P. Yefimov in 1976 (Babushkin Bay, Northern Priokhotye). *Bull. of the North-East Scientific Center FEB RAS*, 2023. No. 4. P. 113–120. (In Russ.).

Nefedkin A.K. Voennoe delo chukchei. Pervaya illyustrirovannaya entsiklopediya. Moscow: Yauza, 2017. 496 p. (In Russ.).

Prut A.A., Lebedintsev A.I., Danilov G.K., Fedorchenko A.Y., Kishkurno M.S., Grebenyuk P.S., Makarov I.V. Archaeological Surveys on the Coast of Babushkin Bay in Northern Priokhotye. In *Northern Frontiers of Asia: Collection of Articles in Commemoration of the 100th Anniversary of N.N. Dikov*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2025. P. 97–100. (In Russ.).

Pytlyakov G.A., Belyaeva A.V. Arkheologicheskiye raboty na Okhotskom poberezh'e. In *Kraevedcheskie zapiski Magadanskogo kraevedcheskogo muzeya*, 1957. Iss. 1. P. 5–11. (In Russ.).

Simchenko Y.B. Kul'tura okhotnikov na oleni Severnoi Evrazii. Moscow: Nauka, 1976. 311 p. (In Russ.).

Vorobei I.E. Detali drevnekoryakskikh lukov v orientirovochnom sopostavlenii s materialami byregovykh arkheologicheskikh kul'tur Krainego Severo-Vostoka Azii. In *The VIII Dikov Readings: Scientific Conference Dedicated to the 60th Anniversary of Magadan region*. Magadan: Tipografiya, 20146. P. 114–122. (In Russ.).

Харитонов П.М. <https://orcid.org/0000-0003-1699-046X>

Воробей И.Е. <https://orcid.org/0000-0002-4040-7150>

Федорченко А.Ю. <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

Лебединцев А.И. <https://orcid.org/0000-0003-2714-2116>

Дата сдачи рукописи: 25.10.2025 г.